

влюбчивого Анакреонта и индексируемой его именем поэзии не просто прирос дополнительными коннотациями, но заново реактуализировал уже, казалось бы, исторически утраченные смыслы, генерируемые архетипом влюбленного старика. Тем самым возникли уникальные условия, спровоцировавшие впоследствии (в том числе в творчестве Ф.М. Достоевского) довольно многочисленные прецеденты его отчетливо полемической (по отношению к львовско-державинской традиции) реинтерпретации.

Литература

Бидерманн Г. Энциклопедия символов / Г.Бидерманн; общ. ред. и предисл. И.С. Свеницкой. – М.: Республика, 1996. – 335 с.

Буслаев Ф.И. Иллюстрация стихотворений Державина / Ф.И. Буслаев // Буслаев Ф.И. Мои досуги: в 2 ч. Ч. 2. М.: Синодальная типография, 1886. – С. 70 – 166.

Державин Г.Р. Анакреонтические песни / Г.Р. Державин; изд. подгот. Г.П. Макогоненко, Г.Н. Ионин, Е.П. Петрова. – М.: Наука, 1987. – 472 с. (Серия «Литературные памятники»).

«Ум и сердце человечье...» в поэтике Державина

В.Н.Сузи

Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск)

Ключевые слова: Державин, поэтика, антропология, риторика, рефлексия

Своеобразие большого художника определяется той ролью, которую он играет в культуре, тем местом, которое он занял. Поэт, как сейсмограф, отвечает вызовам времени, созвучным его личности.

В отношении Г.Р.Державина мнения ученых серьезно расходятся. Оценка его наследия колеблется от признания его то классицистом, то пред-романтиком. Причина – в ориентации на стандарты эволюционного подхода, хронологизации, в мышлении методологически чуждыми нам дефинициями (Запад, как известно, мыслит дедуктивно: от общего – к частному, сакрализуя индивидуальное; мы мыслим индуктивно, освящая соборное, целое, связь).

Очевидно, что вносить в жестко заданные интенции национальную специфику в качестве коррелята оказывается не вполне достаточным. Необходим более радикальный пересмотр шкалы базовых представлений и ценностей, а значит, смена кате-

горий и терминов. Прежняя парадигма не учитывает в специфике отечественной культуры ее основного фактора – человеческого аспекта, личностной составляющей. А она восходит не просто к «вечно бабьему» (Н. Бердяев) в *загадочной русской душе*, а к чему-то более определенному и основательному, мировоззренческому.

Прежние мифы не работают, стали деструктивны. Иначе Ломоносов и Державин, люди с ярко выраженными мужскими чертами характера, не стали бы великими национальными поэтами. Понятно, что человечность и сентиментальность не вполне тождественны.

Дело в том, что *правильная* последовательность развития культуры Запада (ренессанс – барокко – классицизм – романтика) у нас была отчасти нарушена: доминантами стали *барокко* и *романтика* как явления более динамичные, переходные, полнее отвечающие русской специфике.

Если определяющим для Запада явилось, действительно, отношение к *классицизму*, то у нас таким критерием предстает отношение к *барокко*, системе гораздо более сложной и противоречивой. У нас барокко и классицизм возникли не последовательно, а вместе, и развились, по сути, параллельно как отражения мирских и религиозных интуиций. Если на Западе барокко во многом отразило *реставрацию* ментальности Средних веков, а классицизм – идею светского абсолютизма; то у нас барокко имело, скорее, реформационный характер, в силу отсутствия собственно контр-реформации (такой условной параллелью, можно считать *раскол*, имевший протестно-народный, низовой характер, в отличие от контр-реформации на Западе). Одни и те же явления культуры у нас и на Западе имели близкие истоки, но разные функции. При этом стоит помнить, что при заимствовании форм происходит их перелицовка: материя та же, а выглядит иначе. Или: смотрится не хуже, а в основе – имитация, иной субстрат. Оригинальным легко быть, и трудно стать; это дар, а не заслуга.

Вопрос не во вкусовых или социально-исторических предпочтениях, а в ином способе восприятия. Нашей культуре второй половины XVIII века, наряду с интенсивным освоением опыта Запада, присущ общий с ним переход от монологизма *готового* (А. Михайлов), нормативного, риторического слова – к диалогизму слова повествовательного, *оговорочного* (М. Бахтин). Очевидно, стоит исходить из смены держательно-жанровой парадигмы.

В Г.Р. Державине наметилась смена ораторской декламации – опытом личностного самовыражения. Очевидна его ключевая роль в переходе поэзии от аристотелево-классицистической модели к библейско-романтической. Поэт-державник отразил волевой импульс в становлении Империи, выразив специфику всей европейской культуры. Потому его изучение требует восстановления всего многообразия контекстуальных и метатекстуальных связей его эпохи.

Его своеобразие определяется отталкиванием от прошлого и отношениями с будущим, которое он угадывал. Так поэт задал основные темы русской литературы XIX в. и косвенно повлиял на XX в. Потому неправомерно рассматривать его в проекции лишь архаики, как это делал Ю.М. Тынянов; Г. Р. Державин столь же человек традиции (классики), как и новации (модерна). Трудность скрыта в уловлении динамического равновесия этих полярных начал.

Г. Р. Державин соединяет в себе опыт европейской культуры – от античности до классицизма. При этом он одиноко высится на изломе XVIII века – рядом нет ему равных: М. В. Ломоносова уже нет, Н. М. Карамзина еще нет.

И он, конечно же, никакой не классицист (явление у нас довольно чахлое) и не просвещенец (тоже довольно чужеродно нам). И уж совсем не пред-романтик (невыразительный термин, свидетельствующий о нашей методологической беспомощности).

Отметим и его роль в пробуждении *религиозно-поэтической мысли* XVIII века. Поэт воскресил духовную память нашей культуры. Здесь сталкиваются два начала, получившие свое проблемное разрешение – *трагика* и *одичность*, две формы антично-эллинского сознания.

В Г.Р. Державине их культурно-творческая исчерпанность обретает новый импульс. Без сомнения, это связано с христианской личностной интуицией, возрожденной и ложно понятой Ренессансом Запада, переведенной из Богочеловеческой в человеко-божескую парадигму (со всеми вытекающими отсюда творческими и катастрофическими, гибельными последствиями). Г. Р. Державину и всей русской культуре долгое время удавалось сохранить баланс между полюсами – Божественно-творящим и тварно-искусительным. Это и придало ей величие.

Черта дуалистически проблемного сознания «*ум с сердцем не в ладу*» в русской культуре переходит в иной эмоциональный регистр, когда – «*в нем ум и сердце согласились*» (говоря словами Веневитинова). Без этих умиротворяюще примирительных состояний и строк *благоволения миру* не было бы у нас *светлых печалей* А. С. Пушкина. «Ум и сердце человечьи / Были гением моим...», – признается Г. Р. Державин. Обратим внимание, как в одной фразе сочетаются проблемные лейтмотивы XIX века – тема *ума с сердцем* и тема *гения и действительности*.

Г. Р. Державин воспринимает мир антиномично, в противоречии статики (разрешимого в вечности), перманентного кризиса, суда. Его мировосприятие контрастно окрашено в тона ветхозаветной эсхатологии и апокалиптики, совмещает в себе универсально-космическое, вселенское бытие и интимно-личное, приватное существование, быт.

В конце XVIII – начале XIX веков в парадигме романтического восприятия актуализируется целый ряд полярных категорий – личностно-диалогическое (свобода) и

природно-безличное (необходимость), риторическая нормативность и живая стихия оговорочного слова и пр.

Ярче всего это проступает в столкновении жанра и образа; новым смыслам необходимы новая интонация, иной тип образа, выражения. Подобно этому процессу на исходе античности предметная типизация сменяется личностной символизацией, голос Рока – хором трагедии, а в христианстве – хором ангельских ликов, ликованием Пасхи. Способ передачи в обоих случаях один – риторика.

И если в ораторстве интенция направлена на *безличные* исток и предмет, то в пророчестве предполагает тонус диалога, где прежний прием приходит в диссонанс с новым объектом, требуя пересмотра.

Так *дорефлексивный* (до Сократа) и *рефлексивный* традиционализм (от античной классики до XVIII вв.; по Аверинцеву), психологизм (30-е гг. XIX в.) образуют разные типы мышления. Рефлексивный традиционализм связан с риторикой, соединяя профетизм с ораторством, пифизм с рационализмом, дедукцией и дидактикой. Рефлексия охватывает эллинский и христианский этапы риторики и личностную, романтико-психологическую интуицию. Державин пребывает на стыке риторики и психологии, определяющей новую поэтику; в нем *рефлексия* личностно усилена, сменяя классицизм – сентиментализмом.

Риторическая интонация, жанр, исчерпав себя, требуют иных форм, образов. Монологизация, рефлексия форм сменяется рефлексией души, диалогизацией личностных смыслов: «Я царь – я раб – я червь – я бог!» -

Но сама формула восходит к характерному для Ветхого Завета антиномичному видению падшего мира в дуальной плоскости. Отметим, ода не нравилась богословски и поэтически чуткому свт.Игнатию Брянчанинову, что объяснимо спецификой строения образа, а отчасти и рудиментами ренессансной идеи антропоцентризма. Плюса антропоцентрии и теоцентрии христоцентрично разрешены поэтом лишь в оде «Христос».

Басня в творчестве Г.Р.Державина

Д.А.Супрунова

Государственный Институт русского языка им. А.С. Пушкина
(Москва)

Ключевые слова: политическая басня, сюжет, образы, прототипы, мораль

Гавриил Романович Державин, работавший в самых различных жанрах, доведший до совершенства оду, не обошёл вниманием и басню. В его наследии можно об-